

Фатиху
Амирхану –
135 лет
со дня
рождения

Когда лидер остаётся в тени

*Марсель
Ибрагимов*

1 января этого года исполнилось 135 лет со дня рождения классика татарской литературы Фатиха Амирхана. Сказать, что эта дата осталась совсем не замеченной, нельзя: в Литературном музее Габдуллы Тукая была организована «Неделя Фатиха Амирхана» (лекции, выставка, литературно-музыкальный вечер), также выставки, посвящённые жизни и творчеству писателя, прошли в некоторых библиотеках; в журнале «Фәнни Татарстан» (2021, № 1) опубликовано две статьи о творчестве писателя. Пожалуй, на этом и всё: ни научных конференций, ни презентаций новых изданий, посвящённых его творчеству, ни открытия памятных досок.

Конечно, свою роль в отсутствии должного внимания к этому событию сыграла пандемия, но дело не только в ней. Вот уже на протяжении многих лет Фатих Амирхан остаётся в тени своего сверстника и друга Габдуллы Тукая. Впрочем, не только «наше всё» Тукай – многие другие татарские писатели прошлого удостоены большего внимания, чем Фатих Амирхан.

В республике есть литературные премии имени Туфана Миннуллина, Джамала Валиди, Гаяза Исхаки, Мусы Джалиля, Абдуллы Алиша, Хади Такташа, Фатиха Хусни, а вот премии выдающегося прозаика Фатиха Амирхана нет. Ежегодно издаются многотомные издания татарских писателей (большей частью – ныне здравствующих) – и здесь Ф. Амирхан не у дел. Последний изданный сборник его произведений в серии «Милли әдәбият китапханәсе» («Библиотека национальной литературы») увидел свет в 2002 году, к этому можно добавить публикацию учёными-

Фатих Амирхан

текстологами ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова второй части повести «Хаят» (Казань, 2016).

Может, уже не интересен Фатих Амирхан современному читателю? Действительно, привлечёт ли внимание современных молодых людей история жизни татарской девушки Хаят, мусульманки, переживающей внутренние противоречия из-за любви к русскому студенту Михаилу? Возможно, для большинства молодых людей эти переживания покажутся несовременными, а сама повесть – скучной. Большой интерес у нынешней молодёжи может вызвать повесть «Фатхулла-хазрат». Уже в начале прошлого столетия писатель словно предвидел появление через столетия современных гаджетов: в одном из эпизодов повести воскрешённый профессором Муслимовым Фатхулла-хазрат не может взять в толк, как появился в «зеркале» молодой человек, просящий его внуку к телефону (сейчас

это стало реальностью). Чудаковатый Шафигулла-агай (герой одноимённой повести), заставляющий своих детей спозаранку петь Интернационал, тоже вряд ли вызовет читательский восторг: смешной старик, да и только.

И всё же Амирхан интересен. Оставляя в стороне разговоры про «неумирающую, вечно живую классику» (в эпоху провозглашённой Роланом Бартом «смерти автора» они кажутся излишне пафосными), скажем, что Ф. Амирхан интересен как творческое воплощение энергии обновления культуры. Эта энергия всегда в ней присутствует, и, подобно рассеянному в мире лёгкому дыханию в одноимённом рассказе И. Бунина, обретает личностное воплощение. Ф. Амирхан в истории татарской культуры, литературы, безусловно, был и остаётся одним из таких воплощений.

Для меня Фатих Амирхан – наиболее яркое в татарской культуре начала XX века выражение понятия «татар зыялые» (татарский интеллигент). Речь не только о чрезвычайно интеллигентной внешности писателя, но, прежде всего, о героях Амирхана, в которых нашло воплощение это понятие; о молодых людях, стремящихся к приобщению к ценностям европейской и русской культуры, но одновременно ощущающих свою неразрывную связь со своей национальной культурой, своей нацией.

В татарском языке для обозначения такого типа личности используется слово «милләтпәрвәр». Вторая часть этого слова – «пәрвәр» – в переводе с персидского имеет несколько значений: «кормящий», «воспитывающий», «заботящийся», «любящий». «Милләтпәрвәр» – человек, любящий свою нацию, заботящийся о ней. Таким героям писатель противопоставляет Ив́анов, не помнящих родства. Таковым является один из героев его пьесы «Тигессезләр»

(«Неравные») Абдулла – студент, учащийся в Москве, который с пренебрежением относится к своей нации: «Всё, что делают сейчас татары, походит на лихорадку: их школы, их литература когда-нибудь превратятся в хлам». Из уст другого героя – Сулеймана – он получает прозвище «Иванушка-Абдулка» (Сулейман сравнивает Абдулла с героем комедии Фонвизина «Бригадир» Иваном, пренебрежительно отзывавшимся о своей родной культуре).

Понятие «милләтпәрвәр» применимо ко многим деятелям татарской культуры начала прошлого века. Они были разными по характеру, социальному происхождению, политическим взглядам. Фатих Амирхан выделялся среди татарских интеллигентов: с иголочки одетый (несмотря на поразивший его в молодости тяжёлый недуг), обходительный, начитанный, он всегда становился душой компании, завоевывал симпатии окружающих (Тукай по характеру был его противоположностью: в отличие от своего друга поэт плохо сходился с людьми, часто пренебрегал правилами хорошего тона, избегал женского общества, не придавал значения своему внешнему виду).

При всём этом Фатих Амирхан оставался сильной личностью, лидером. Это качество проявилось в нём с юношеских лет: учащийся известного медресе «Мухаммадия», он был одним из организаторов и идейных вдохновителей движения «Ислах», объединившем шакирдов, выступавших за реформу системы образования. Впоследствии, прикованный к инвалидной коляске, Амирхан руководит изданием газеты «аль-Ислах», одной из самых читаемых в начале XX века.

О силе духа писателя свидетельствует и его послереволюционное творчество: не каждый мог отважиться написать такое произведение, как «Шафигуллы-ага», в котором изображается

трагедия человека, отринувшего многовековые традиции национальной культуры и всем сердцем принявшего новые идеалы. Трагический финал повести (у Шафигуллы-ага от простуды во время праздничной демонстрации умирает недавно родившийся сын, названный им в честь В. Ленина Владимиром) напоминает трагедию в «Котловане» А. Платонова (строительство «Дома всеобщего счастья» в этой антиутопии оборачивается гибелью на дне котлована девочки Насти).

Фатих Амирхан был лидером нации, в котором нашла воплощение идея «мягкой силы». Возможно, именно поэтому Амирхан стал близок Тукаю: писатель был одним из немногих, с кем Габдулла Тукай мог быть откровенным, делиться сокровенными переживаниями, просить совета. Примечательно, что Амирхан был одним из немногих друзей Тукая, с которым у последнего на протяжении всей их дружбы не было серьёзных размолвок (как тут не вспомнить Сагита Рамеева, с кем Тукай постоянно пикировался на страницах татарской периодической печати).

Интеллигент-милләтпәрвәр Фатих Амирхан одновременно обладал чертами человека модерна. Герои его произведений (Хаят, персонажи пьесы «Яшьләр» («Молодёжь»), «Неравные» и др.) переживают внутренние противоречия, обусловленные столкновением традиционных ценностей и нового образа национальной жизни. Такое же противоречие, очевидно, мог переживать и сам Амирхан. Сын известного татарского богослова и историка, мударриса медресе «Амирхания» Мухаммадзарифа Амирханова, он своим образом мыслей и деяниями вызывал недовольство поборников сохранения традиционного уклада жизни, противников национального прогресса (те не раз пеняли его отцу на «непутёвого» сына).

Герои литературы модерна зачастую переживают экзистенциальный кризис. Такие герои есть и у Фатиха Амирхана. Экзистенциальный конфликт испытывают персонажи пьесы «Неравные». Двадцати девятилетний студент Мустафа, герой небольшого рассказа «Картайдым!» («Постарел!»), утрачивает все прежние идеалы и, не находя новых, восклицает: «Проклинаю тебя, жизнь!» Такие же чувства переживает и повествователь в предлагаемом вашему вниманию рассказе Амирхана «Бер хәрәбәдә» («Среди развалин»).

В нём читатель не найдёт ни острых перипетий, ни открытых столкновений между героями, ни пространных философских монологов. Всё внимание сосредоточено на внутренних ощущениях повествователя и многочисленных деталях, создающих эмоциональную ауру рассказа.

Рассказ этот – один из самых ярких образцов модернистской прозы в татарской литературе начала XX века. Даём его в переводе на русский язык специально для «Казанского альманаха».

рассказ

Фатих Амирхан

Среди развалин

ТАРАНТАС остановился у ворот каменного двухэтажного дома. Минуты две-три я сидел в замешательстве:

– Не перепутал ли чего? Точно ли это дом Сулеймана-абзый?

Лет пять назад, когда я жил в этом городе, дом выглядел совсем иначе. Он не был таким испещрённым, мрачным, стёкла окон не были разбиты, карнизы были целы.

Заметив на закрытых наглухо воротах с обсыпавшейся штукатуркой жестяную табличку (она еле держалась на

одном гвозде), я понял, что не ошибся. Если внимательно присмотреться, с одной её стороны можно было прочитать: «...Сулеймана...».

Я сошёл с тарантаса и ещё несколько минут всматривался в дом. Своим видом, запустением, разрухой, покрытыми пылью мутно-зеленоватыми оконными стёклами этот построенный в старинном стиле, некогда богато и изящно обустроенный дом омрачал мою душу. Я почувствовал тоску, на сердце стало тяжело.